

благополучному разрешению, и пока predeterminedенная фаза, круг ада не будут пройдены – нет никакой надежды на то, что общество вступит в полосу посткризисного развития. И лишь затем общество (группа) начинают «выздоровливать». Но бывает и так, как в Чечне: длительное время живший в условиях военных действий народ уже не в состоянии самостоятельно справиться с ситуацией и нуждается в неотложной помощи извне.

Автор показал в своей книге, как происходит распад общества, как история, несмотря на то, что ей отказывают быть нашей современницей, определяет идеи и поступки людей. После второй кампании самым главным оказалось возрождение экономики, восстановление политических институтов, структур власти, которые могли бы наладить мирную жизнь. Крайне трудной задачей оказалось возвращение беженцев. Но еще более непросто стало ресанимировать человеческие связи, вернуть людей к их привычным, довоенным занятиям, восстановить трудовые отношения, социальную среду. Травма войны оказалась слишком глубокой для того, чтобы можно было ее просто забыть.

Война надолго останется фактором жизни чеченского общества.

Г.С. Иларионова

© 2002 г. ЭО, № 6

И.А. К а л у ж с к а я. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001. 174 с.

Проблемы генезиса этнических общностей в значительной степени решаются на основе лингвистических штудий. История формирования современных балканских этносов задает сложные загадки, многие из которых не разгаданы до сих пор. Одна из них – общность некоторых особенностей албанского и румынского языков, которые принадлежат к разным группам индоевропейских языков и ареалы сегодняшнего употребления которых находятся на значительном расстоянии друг от друга. Естественно предположение, что далекие предки албанцев и румын обитали вблизи друг от друга и имели активные сношения. Именно этой проблеме посвящена книга известного специалиста в области палеобалканских языков И.А. Калужской.

Актуальность публикации помимо совершенно самостоятельного нового подхода к решению задачи заключается в крайней политизированности всего комплекса исторических изысканий: в каждой стране предпочтительно считать, что государствообразующий этнос сформировался именно на территории его современного расселения, а указания на миграции (даже весьма древние) предков этого этноса воспринимаются крайне негативно. Не приходится сомневаться, что позиции политики и науки в данном случае не согласуются.

Автор рецензируемой книги поставила перед собой задачу выявить следы исчезнувших древних языков, на которых говорили обитатели Юго-Восточной Европы, и на этом основании сделать «реконструкции отдельных узловых моментов балканской этно-локально-хронологической ситуации, включая взаимодействие различных этнических и языковых компонентов» (с. 3). По нашему мнению, выполнить данную задачу автору удалось. Критерием исследования совершенно справедливо избрана степень участия палеобалканского субстрата в формировании лексических сходжений румынского и албанского языков¹.

Первые исторические упоминания об албанцах на западе Балканского п-ова и валахов в Молдове относятся к XI в.; самые древние памятники албанской письменности датируются XV в., валашской – XVI в. В этой ситуации памятники палеобалканского наследия в обоих языках приобретают первостепенное значение. Многие исследователи занимались проблемой присутствия общих слов в румынском и албанском языках, что теснейшим образом переплетается с вопросами этногенеза и местонахождения предков албанцев и румын в разные периоды дописьменной истории. Последовательному изложению различных теорий на этот счет посвящено «Введение» рецензируемой книги (с. 4–16).

Первая изложенная автором группа гипотез возводит формирование румынского языка и соответственно румынского этноса ко времени римского завоевания и колонизации Дакии в 106 г. н.э. В 271 г. римские легионеры, поселившиеся на землях покоренных даков, были переселены на правый берег Дуная, а с ними –

часть местного романизованного населения, говорившего до того на языке фракийской группы. Автор перечисляет специалистов-лингвистов, поддерживавших эту гипотезу. Разумеется, в сугубо лингвистическом исследовании, каковым является рецензируемая книга, было бы необоснованным требование к автору привлечь данные смежных наук. Следует лишь добавить, что подкрепления изложенной теории можно найти в работах археологов. В частности, советский исследователь И.Т. Кругликова, проанализировав тексты надписей на могильных памятниках в Дакии, пришла к такому же выводу².

Другая группа лингвистов считает центром романизации даков и формирования румынского языка территорию к югу от Дуная, а направление миграции местного населения намечает с правого берега этой реки на левый.

Наконец, большая группа специалистов локализует процессы романизации в южнодунайских областях и полагает, что предки румын переселились на территорию Дакии после Великого переселения народов, в результате которого на дакийских землях романоязычного населения к тому времени не осталось. Эти миграции датируют либо VI–IX вв., либо X–XIII вв.

Как видим, разброс мнений велик, причем каждую гипотезу поддерживает внушительное число ученых, имена которых хорошо известны.

Не менее сложны споры вокруг проблемы албанского этногенеза. Ученые Албании бескомпромиссно стоят на позиции иллирийского происхождения албанского языка. И действительно, между иллирийскими глоссами и албанскими лексемами существуют многие совпадения; ряд иллирийских топонимов может быть интерпретирован с помощью албанского языка; некоторые античные топонимы с иллирийской территории приобрели звучание, соответствующее албанской фонетике. Все это дает основание говорить о непрерывности генезиса албанского этноса на территории Южной Иллирии. Фракийские элементы в албанском языке не принимаются албанскими лингвистами с должной серьезностью.

Так как современная область расселения албанцев совпадает с южной частью иллирийских земель, сторонники иллирийской версии происхождения албанского языка ссылаются на археологические материалы, обнаруживающие непрерывное развитие материальной культуры от иллирийского времени до современности³, что подтверждают и албанские этнографы⁴. Такая преемственность материальной культуры не вызывает сомнения. От иллирийских племен на нынешней албанской территории остались некрополи, следы поселений и укрепленных пунктов. При раскопках находят серебряные украшения, пуговицы и другие поделки, форма которых в точности совпадает с деталями, декорирующими современный традиционный албанский костюм⁵. Суть проблемы заключается в том, что население конкретной области может наследовать культуру древних ее жителей, в то время как язык изменяется под влиянием языка мигрантов, имевших или численное, или политическое преобладание. Если мы можем говорить о романизации, а позже о славянизации отдельных групп балканского населения, то почему же не предположить его «албанизацию»? При этом приведенные выше данные археологии (памятников древнейших насельников Южной Иллирии) отнюдь не теряют своего значения. Не оставляет сомнения политизированность выкладок албанских ученых. Впрочем, это не единственный случай в истории науки.

Признанный авторитет в российской науке А.В. Десницкая вслед за албанскими учеными отдала дань иллирийской гипотезе. Она полагала, что население низменной части Южной Иллирии было сильно романизовано, в то время как жителей горной зоны романизация коснулась в меньшей степени. Оба слоя иллирийского языка соединились при определенных исторических обстоятельствах и создали основу албанского языка⁶. В поздних своих публикациях А.В. Десницкая с большим вниманием относилась к фракийским элементам при рассмотрении данной проблемы⁷.

И.А. Калужской импонирует позиция известного албанского ученого Э. Чабея, который в истории албанского языка различает добалканский и балканский периоды (с. 9). Первый относится ко времени позднего диалектального членения индоевропейского языка и связан с территорией, расположенной к северу от Балкан. Протоалбанский язык занимал, по мнению этого ученого, центральное переходное положение в структуре индоевропейского диалектного континуума. Собственно же албанский язык сформировался на землях, включавших современную Албанию и древнюю Дарданию с пограничными частями Македонии и Пеонии. Восточные области распространения албанского языка соседствовали с западными территориями формирования румынского языка⁸. Таким образом, теория Э. Чабея занимает пограничное место в спорах об иллирийском (т.е. западнобалканском) или же фракийском (восточнобалканском) происхождении албанского языка. Среди многочисленных приверженцев второго варианта, поименованных автором книги, наибольшее внимание уделено работам болгарского ученого В. Георгиева (с. 11–12). Этот исследователь предложил различать дако-мизийский и фракийский языки. Албанский язык – наследник дако-мизийского; племена,

говорившие на нем, мигрировали в центральные области Балканского п-ова на рубеже II-I тысячелетий до н.э. В первые века нашей эры одна часть этих племен подверглась романзации и составила основу румынского этноса, а другая сохранила свой язык, который развивался под сильным влиянием латинского и постепенно проник в иллирийские земли. Он-то и стал непосредственным предком албанского языка.

Л.А. Гиндин склонялся к гипотезе о фракийском субстрате балканских языков⁹. И.А. Калужская с большим пиететом отзывается об этом ученом, которого считает своим учителем (с. 3).

Последовательным адептом гипотезы о передвижении древних этнических общностей с востока на запад Балканского п-ова был О.С. Широков, имя которого, к нашему удивлению, отсутствует как в тексте книги, так и в приложенной к ней библиографии. О.С. Широков утверждал: «Балтийские и славянские языки обнаруживают глубокие генетические сходства, которые можно объяснить тесным и длительным контактированием прибалтийских и праславянских диалектов. Возможно, что к той же индоевропейской диалектальной зоне восходит и албанский язык, а также языки древних иллирийцев, фракийцев и фригийцев»¹⁰. Итак, исторический анализ албанского языка (специфика исторической фонетики и грамматики) указывает на его северные глоттогенетические связи. Этот исследователь полагает, что предки албанцев (точнее, носители древнего албанского языка) продвигались с Карпат к Дунаю, позже через Дунай на юг Македонии, а отсюда на запад в иллирийские пределы. Эти миграции могли происходить одновременно с продвижениями славян, иногда опережая их, иногда следуя за ними. К югу от Дуная протоалбанцы встретились с романизованным местным населением; от его народной латыни и попали в албанский слова, имеющиеся в современном румынском языке. Позже аналогичные контакты происходили с далматом-романским языком. Проанализировав совпадения в албанской и валашской лексике, О.С. Широков указал на ее явную связь с пастушеским хозяйством (названия скота, луговой растительности, деталей высотного ландшафта и т.п.) и на бедность земледельческой и рыболовецкой терминологии. Следовательно, общий словарный состав складывался в горной зоне, а не на равнине, где обосновалось большинство славян-земледельцев. Контакты между ними были естественны и необходимы¹¹.

Подводя итоги подробному обзору глоттогенетических и этногенетических гипотез, И.А. Калужская резюмирует: «...все умозаключения относительно отношений преемственности албанского с палео-балканскими языками, равно как и участие последних в формировании румынского, остаются лишь более или менее вероятными гипотезами» (с. 13). Далее автор предлагает читателям собственные выкладки: албанский язык (точнее, протоалбанский, согласно периодизации, предложенной А.В. Десницкой¹²) следует признать самостоятельным индоевропейским языком, «...отношения же его с палеобалканскими языками продуктивнее перевести в плоскость более поздних ареальных контактов, возникавших в процессе движения носителей албанского языка с территории первоначальной прародины, располагавшейся в период позднего диалектного членения индоевропейского на территориях к северу и северо-востоку от Дуная» (с. 14). Пути проникновения протоалбанцев на Балканы протягиваются с северо-востока на запад, в римское время ареал их расселения занимал приморскую часть современной Албании, долины рек Шкумбини, Черного и Белого Дрина, а более поздний центр их распространения находился в бассейне р. Мати; с предками румын они контактировали в то же время. Славяне, расселившиеся по Юго-Восточной Европе, застали албанцев в районе современного г. Ниш.

Глава первая рецензируемой книги названа «Румыно-албанские лексические соответствия: состав и интерпретация» (с. 17–50). В ее начале дан обзор гипотез и предположений исследователей разного времени, взгляды которых претерпевали значительные изменения по мере пополнения корпуса румыно-албанских лексических соответствий. Автор категорически возражает против часто употребляемых в смежных гуманитарных науках терминов «автохтоны», «автохтонизм», ибо они эксплуатируются сторонниками политически ангажированных концепций, получивших распространение в 1960–1980-е годы: тогда отрицали «достаточно здравую», по выражению автора, точку зрения, согласно которой в раннее средневекое имели место контакты между предками албанцев и румын, а, может быть, и их совместное расселение в центральных областях Балканского п-ова.

Для того чтобы донести до читателя в наиболее четком варианте весь имеющийся в литературе весьма значительный материал об албано-румынских лексических соответствиях, автор избрал словарную форму: в каждой из выстроенных по алфавиту словарных статей (их 248) даются этимологическая интерпретация, комментарии к ней, ссылки на литературные источники (в них заключены порою противоречивые или исключаящие друг друга точки зрения). Таким способом среди собственно румыно-албанских соответствий выявляются «...общие славянские, тюркские, германские, греческие заимствования, раннесредневековые

займствования из албанского в румынский, латинизмы, проникшие в румынский через албанское посредство» (с. 18).

Глава вторая названа «Румыно-албанские лексические схождения и их палеобалканские параллели» (с. 51–144). Таких схождений выявлено 14. Автор скрупулезно подбирает соответствия среди палеобалканских языковых реликтов с тем, чтобы иметь возможность сделать заключение о субстратном палеобалканском статусе каждой леммы. При ретроспективной реконструкции за отправную точку принимаются факты, зафиксированные древнейшими письменными источниками, а за конечную – поздняя фиксация языка: в ономастике с XI в., в письменных памятниках с XV в. для албанского, с XVI в. для румынского. Верная своему принципу максимальной информации, И.А. Калужская сообщает все варианты интерпретации, которые можно почерпнуть из литературы, а в заключение предлагает свои версии.

Для этнографа эта глава составляет увлекательное чтение. Он зрительно представляет себе хижину, углубленную в земле помещение, где румынские женщины в теплое время года работают на ткацком станке; оказывается, такое сооружение соотносится с самыми разнообразными бытовыми постройками древних македонцев и фракийцев (с. 55–71).

Вполне естественно воспринимается повторяемость в обоих языках слов, которыми характеризуются особенности среды обитания древних жителей Балкан. Например, обозначение возвышенного места и леса: рум. *codru*, алб. *kodër*, иллир. *codrione*. Его рассматривали многие специалисты, направляли поиски на разные языки — на латинский, иллиро-македонский, южнославянские и даже на армянский. Автор обращает внимание на славянские параллели и приходит к выводу: «гора» > «гора, поросшая лесом» > «лес» — это широко распространенная семантическая универсалия. Почему на Балканах закрепилось значение «гора» — не совсем ясно. Очевидно, не обошлось без влияния созвучного и близкого по семантике палеобалканского слова, отраженного в топонимах и антропонимах (с. 122). Не менее интересен анализ рум. *druete* и алб. *dru* — «дерево, толстое бревно» (с. 122–125). Перечень подобных примеров можно продолжить.

Не вызывает сомнения этимология рум. *strungă*, алб. *shtrungë* – огороженное место, где содержат овец и коз, узкий проход, через который их прогоняют по очереди для дойки (с. 142–144). Отгонное овцеводство с сезонной вертикальной перекочевкой стад – один из главных хозяйственно-культурных типов на обширной территории от центральных районов Балканского п-ова на север вдоль Карпатской дуги. Обращают на себя внимание общие приемы выпаса стад, идентичность приемов приготовления молочных продуктов, одинаковые названия животных разных возрастов и окраса, утвари и многого другого¹³. Автор приводит интерпретации южнославянских форм из Болгарии, Сербии, Черногории, Далмации, Герцеговины. Они имеют, очевидно, древнее происхождение и проникли в славянские языки из говоров местного дославянского населения. Распространенные же на севере карпатского ареала формы в словацком, чешском, украинском, польском, венгерском языках, равно как греческие и сербохорватские, проникли в эти языки и диалекты гораздо позже – непосредственно или опосредованно от средневековых валаанских пастухов (с. 144).

Для балканской этнографии особый интерес представляют схождения вокруг рум. *buză*, алб. *buzë* и его производного *buzm*, *buzmi* и сравнение их с сербохорватскими, фракийскими, иллирийскими вариантами (с. 105–118). В случае с албанским *buzm* речь идет о большом полене (или стволе сучковатого дерева), которое по обычаю должно было гореть (тлеть) на очаге или в камине жилого дома в течение всего зимнего двенадцатидневья (от сочельника Рождества до Крещения). В Сербии его называют *бадњак*, в Северной Албании — *buzmi*, или *buzmi bujar*. К нему относятся как к живому существу, гостю в доме, в углубление, сделанное на одном его краю, кладут пищу и льют вино¹⁴.

В краткой рецензии невозможно пересказать подробнейшую сводку всех предположений о содержательной сущности данного слова, начиная от допущения, что «...исходным значением албанского *buzë* является "край" (< "дно, низ"), затем развившееся через "край рта" в "губа»» (с. 116); перечислить различные варианты, разрабатываемые многими авторами, предлагавшими десятки оригинальных толкований, вплоть до названия г. Византий (Βυζαντιον, Byzantium), что указывает на палеобалканские связи албанского языка.

Не только балканистов, но и фольклористов самого широкого профиля несомненно заинтересует схождение рум. *balaur*, алб. *bullar* – «змея, дракон, жестокий человек, созвездие Дракона» (с. 71–91). Автор приводит десятки различных вариантов трактовки лемм, в том числе собственные. Опираясь на свои совместные с В.Л. Цымбурским разработки, а также на публикации В.В. Иванова, В.Н. Топорова, Л.А. Гиндина, она производит реконструкцию индоевропейской мифологемы о поединке бога-героя (бога-конника) с хтоническим противником – змеем. Комплекс разящего бога и сокрушаемого врага возник «...где-то на севере Балкан и в соседних районах Юго-Восточной Европы, откуда этот миф мог с догреческими

индоевропейскими племенами Балканского п-ова попасть к югу, на Истмийский перешеек, а с другой стороны, будучи заимствован пракельтскими этносами, был перенесен ими через всю Европу до берегов Атлантики» (с. 77). Балканский вариант мифа сходен с малоазиатским. Предприняв сложные культурно-исторические и мифологические экскурсии, автор предлагает «в новом свете взглянуть» на соотношение древних и современных балканских и связанных с ними южнославянских форм в названиях мифических существ. Вывод гласит: албанская, румынская и южнославянская лексемы восходят к единому прототипу. О варианте разбираемого слова в румынском языке с большой степенью уверенности можно говорить как о палеобалканском реликте, а в албанском и южнославянском варианте «палеобалканский элемент опосредован западнобалкано-романской языковой средой (с. 91). Албанский – это самостоятельный язык, «близость которого с фракийскими и иллирийскими диалектами носила лишь ареальный характер» (там же).

В «Заключении» (с. 145–149) автор констатирует: весьма неоднородный состав корпуса румыно-албанских соответствий включает элементы различного генезиса – собственно палеобалканские реликты, раннесредневековые заимствования из албанского в румынский, относительно поздние албанизмы, занесенные в диалекты Трансильвании мигрантами, латинизмы, попавшие в румынский через албанское посредство, проторумынские элементы в албанском, общие для обоих языков романские элементы, наконец, общие славянские и тюркские заимствования (с. 145).

Завершает книгу раздел «Библиография» (с. 150–171), которая включает сотни названий на русском, румынском, албанском, болгарском, немецком, французском, английском, польском, итальянском языках. Сама по себе столь полная сводка представляет большую ценность для исследований по целому ряду смежных наук.

Примечания

¹ Термин «палеобалканские языки», как и «палеобалканские народы», «палеобалканистика», употребляются для обозначения всего круга проблем, имеющих отношение к древнейшему негреческому и нелатинскому населению Балканского п-ова, запада Малой Азии, юго-востока Аппенинского п-ова и островов Ионического и Эгейского морей. См. об этом: *Нерознак В.П.* Палеобалканские языки. М., 1978; *Он же.* Палеобалканские языки. Ареальные и генетические отношения // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976. С. 179–187.

² *Кругликова И.Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955.

³ *Buda A.* Etnogjenza e popullit shqiptar në dritën e historisë // *Buda A.* Shkrime historike. Vol. I. Tiranë, 1986; *Idem.* I lirët e jugut si problem i historiografisë // *Studime ilire.* Vol. I. Prishtinë, 1978. F. 11–32; *Mirdita Z.* Rreth trajtimit të problemit të etnogenzës së popullit shqiptar në shekullin XIX dhe në gjysmën e parë të shekullit XX // *Seminari i kulturës shiptare për të huaj.* Prishtinë, 1977. № 3. F. 63–84.

⁴ *Gjergji A.* Elemente të përbashkëta të veshjës së viseve të ndryshme ilire dhe vazhdimësia e tyre në veshjet tona popullore // *Piret dhe gjenezat shqiptareve.* Tiranë, 1969. F. 153–173.

⁵ *Иванова Ю.В.* Изучение памятников иллирийской эпохи в Албании // *Вест. древней истории.* 1957. № 1. С. 183–192.

⁶ *Десницкая А.В.* Албанская литература и албанский язык. Л., 1987. С. 204–252; *Она же.* О происхождении албанского языка. Сравнительно-исторический и социально-исторический аспекты // *Вопр. языкознания.* 1990. № 2. С. 5–12.

⁷ *Десницкая А.В.* Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С. 277–293. Эта работа почему-то автором рецензируемого труда не учитывается.

⁸ *Çabej E.* Rum änishe und albanische Wortdeutungen // *Cercetări de lingvistică.* 1958. Vol. III; *Idem.* Le illyrien et le albanais. Question de principe // *Studia albanica.* Tirana, 1970. № 1.

⁹ *Гиндин Л.А.* Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев.* М., 1976; *Он же.* К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского региона // *Формирование раннефеодальных славянских народностей.* М., 1981. С. 55–56, 68, 84 и др.; см. также: *Гиндин Л.А., Калужская И.А., Орел В.Э.* К вопросу о составе субстратного фонда языков балканского ареала // *Балканские исследования.* Вып. 7. М., 1982.

¹⁰ *Широков О.С.* Введение в языкознание. М., 1985. С. 128.

¹¹ *Широков О.С.* Введение в балканскую филологию. М., 1990. С. 145–150.

¹² *Десницкая А.В.* Реконструкция элементов древнеалбанского языка и общепалланские лингвистические

проблемы // Actes du Premier Congrès International des études Balkaniques et Sud-Est Européennes. Vol. VI. Sofia, 1968. P. 190.

¹³ Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. М., 1973; Домосилецкая М.В. Пастушеская лексика как отражение албано-румынских контактов // Этнолингвистические исследования. Взаимодействие языков и диалектов. СПб., 1998. С. 98–105.

¹⁴ Иванова Ю.В. Албанцы // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973. С. 303–304. Не знаю, сохраняется ли этот обычай сегодня, но в 1950-е годы я видела «бузми» воочию.

Ю.В. Иванова

© 2002 г., ЭО, № 6

Gender in Amazonia and Melanesia. An Exploration of the Comparative Method. Berkeley; Los Angeles; London, 2001. 392 p.

Сборник статей под двойной редактурой специалиста по Амазонии и специалиста по Новой Гвинее (Th.A. Gregor, D. Tusin) составлен из докладов, прочитанных в 1996 г. в Испании на конференции, проведенной под патронажем Веннер Грен Фаундейшн. Поддержка столь солидной организации, равно как и участие известнейших американских этнографов подает надежду на то, что пик постмодернизма в антропологии пройден и эта наука опять всерьез обращается к проблемам, волновавшим ее отцов-основателей. Академические публикации давно уже не завершались утверждениями типа «сравнительный метод – корзина стратегий». На фоне недавнего обращения к теоретическому наследию Боаса в *Current Anthropology*¹ все это особенно интересно. Боаса авторы сборника цитируют чаще, чем Тернера и Ван Геннепа. Последние упомянуты главным образом в связи с тем, что при рассмотрении обрядов перехода оба недооценили важность гендерных различий (с. 70).

Амазония и Меланезия многим привлекают этнографов, но этнографической загадкой становятся именно вместе. Культуры этих двух регионов в ряде отношений так похожи, что объяснить сходство случайностью очень затруднительно, тем более, что третий влажный тропический регион, Африка, от двух рассматриваемых отличается. В частности, у индейцев Амазонии, папуасов и меланезийцев нет характерных для Африки линиджей. Вместе с тем географическое расстояние между Амазонией и Меланезией столь велико, а вероятная общая предковая популяция для соответствующих современных групп так удалена от нас во времени, что любые миграционистско-диффузионистские объяснения сходства всерьез рассматриваться не могут. Тот путь, который выбрали авторы сборника, немного напоминает левистросовскую медиацию – попытку шаг за шагом сгладить остроту неразрешимого противоречия, хотя последнее от этого и не исчезает.

Из участников сборника шесть занимаются Меланезией (преимущественно Новой Гвинеей) и семь – Амазонией. За каждым – многолетние полевые исследования и влиятельные работы, каждый отстаивает собственные идеи, не всегда прямо связанные с теми вопросами, которые больше всего волнуют редакторов. Само сравнение амазонских обществ с меланезийскими, по-видимому, спровоцировано вопросами какой-то анкеты, но далее авторы обращаются к собственным темам. Особенно много внимания уделяется конструированию гендерных ролей с упором на сложность и противоречивость взаимоотношений полов в идеологии и на практике. Используются материалы по представительному кругу этносов, демонстрирующих различные формы ритуальной культуры.

Многообразие как научных позиций, так и исходных данных позволило избежать упрощенных обобщений, но с ним же связана и проблема. Авторы сборника так и не определили, похоже, что именно им следует сопоставить. Иногда это Амазония и Меланезия как территории со всем их культурным спектром, выходящим далеко за пределы набора «типичных» черт, ради исследования которых работа в сущности и предпринята. В других главах, особенно в написанных редакторами, рассматриваются именно «типичные» общества, где социальные различия редуцированы к половым, мужчины господствуют в сфере культа и